

Надежда Молчадская

*Посмотреть
в послезавтра*

«Посмотреть в послезавтра» — остросюжетный роман-триллер Надежды Молчадской, главная изюминка которого — атмосфера таинственности и нарастающая интрига.

Девушка по имени Венера впадает в кому при загадочных обстоятельствах. Спецслужбы переправляют ее из закрытого городка Нигдельск в Москву в спецклинику, где известный ученый пытается понять, что явилось причиной ее состояния. Его исследования приводят к неожиданным результатам: он обнаруживает, что их связывает тайна из его прошлого.

НАДЕЖДА МОЛЧАДСКАЯ ПОСМОТРЕТЬ В ПОСЛЕЗАВТРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда мы появляемся на этой грешной земле, мы не знаем своего будущего.

Когда мы покидаем этот мир, мы не знаем, что будет с нами там.

Еще до рождения нас начинают придумывать.

Первое это имя и т. д.

КРИОНИКА ДУШИ

Серый пятиэтажный дом, стоявший напротив парка, ничем не отличался от других, таких же унылых и на первый взгляд безжизненных. Два человека в доме просыпались раньше всех и превращали это строение в живой организм. Падающий свет из окна первого этажа профессора Устинова помогал дворнику Михаилу тщательней подметать двор, при этом метла издавала характерный скребущий по асфальту звук. Старая береза, стоявшая прямо под окнами профессора, от внезапного порыва ветра раскачала ветки и как бы приветствовала утреннее пробуждение этих совершенно разных людей.

Сгорбившись над письменным столом, профессор подчеркивал отдельные слова в своем ежедневнике. Выработанная годами привычка каждое утро составлять план на день заставляла уже совсем не молодое тело и мозг напрягаться и по часам расписывать работу на ближайшее будущее. Он прекрасно знал, что его планы будут осуществлены, никто и ничто не сможет помешать его работе, разве только всемирный потоп. Жизнь без расписания он не признавал, так как считал, что минуты, проведенные без смысла, в конечном итоге отнимают драгоценные годы, которыми и так не разбалован человек, потому как физиологический

возраст, по сути, недолог...

Тишину в комнате нарушали настенные часы, перемещая секундную стрелку по циферблату, а также метла дворника за окном, как бы в унисон намекая на его скучную и монотонную жизнь. Каждый день был похож на другой.

Как микробиолог он уже давно состоялся, и ничего нового открыть в мире вакцин ему уже не удастся — это он прекрасно сознавал. Только молодой мозг способен на новые свершения — так размышлял профессор. Аккуратно вложив тетрадку в портфель и зачем-то прихватив с собой зонт, Устинов вышел из дома и медленным шагом направился на работу.

Утренняя прохлада омывала легкие, унылое настроение подняли громко чирикающие воробьи, перегородившие путь профессору. Прыгая по тротуару, они боролись между собой за остатки кем-то просыпанных семечек. «Надо же, только проснулись, и уже повезло», — подумал Устинов. Чья-то небрежность уже дала пернатым питание, доставшееся им без особых усилий. Устинов остановился и стал наблюдать за происходящим. Самый крупный воробей чирикал громче всех, подпрыгивая к очередному семечку, а собратья удалялись от него на небольшое расстояние. Откуда ни возьмись прилетела сорока, и воробьи тут же

разлетелись. Она попыталась ухватить клювом добычу, семечко выпало, вторая попытка ей тоже не удалась. Я подошел ближе и раскрыл зонт. Сорока улетела. В этом большое сходство птиц с людьми: те, кто больше и сильнее, господствуют над более слабыми, в свою очередь, слабые должны приспособливаться и быть умнее сильных, чтобы сохранить тело, но по возможности и душу.

С этими размышлениями незаметно для себя он очутился перед дверью клиники. Это охранное изобретение человечества на толстых пружинах хлопнуло и разнесло по первому этажу весть — пришел!!! Медсестра, дежурившая в регистратуре, вздрогнула и спешно поправила колпак на голове.

«Доброе утро!» — первым поздоровался Устинов.

«Доброе утро, Владимир Яковлевич!» — ответила медсестра. Профессор поднялся по лестнице на второй этаж. Открыл двери своего кабинета, повесил зонт на крючок, положил портфель на стол, взял графин с водой и подошел к окну.

— Ну что, дружок, сегодня твой день, — обратился он к кактусу, стоявшему в гордом одиночестве на подоконнике. Наклонил графин, мелкая струйка воды полилась, и земля в горшке потемнела.

— Все, тебе на ближайшее время

достаточно, — продолжал он беседу с цветком.

Резкий звонок телефона нарушил односторонний диалог профессора. Вместе с графином он ринулся к телефону.

— Да, Устинов, слушаю.

— Доброе утро, Владимир Яковлевич!

— Доброе.

— Вас беспокоит Константин Львович из больницы № 7.

— Да-да, я вас узнал.

— Сегодня утром к нам поступила пациентка, по первым признакам — вариант «П».

— Хорошо, сейчас же отправлю машину. Всего доброго. Положил трубку и нажал на кнопку вызова. Медсестра Валентина появилась мгновенно.

— Больница № 7, срочно поезжайте и привезите пациентку Константина Львовича. Он вам все объяснит.

— Поняла, уже лечу! — и выбежала, хлопнув дверью.

* * *

Машина скорой помощи остановилась перед светлым зданием. С правой стороны висела совершенно неприметная для глаза табличка с названием «Клиника иммунологии». Девушку

внесли в этот храм здоровья, и только легкий ветерок, обдувая глаза Венеры, будет помнить ее страх перед неизвестностью.

КЛИНИКА ИММУНОЛОГИИ

Наша клиника, на первый взгляд, не привлекала никакого особого внимания и выглядела абсолютно обычной. На первом этаже размещались регистратура и кабинеты врачей. На втором этаже находились палаты. Больные к нам поступали в большинстве случаев с аллергической реакцией на экзотические продукты. Как правило, лечение пациентов не занимало много времени, и они абсолютно здоровыми возвращались домой. В другом крыле здания находился мой кабинет и бокс для экстраординарных случаев. В бокс допускались только три человека: микробиолог Зельц Игорь Семенович, медсестра и по совместительству мой личный секретарь Валентина и я, заведующий клиникой Устинов Владимир Яковлевич. Мой кабинет был спроектирован по спецзаказу: железный шкаф, занимавший большую часть комнаты, был наделен различными функциями. В нем находилась картотека, спецоборудование, а также дополнительная дверь, ведущая в подвал, так что, спускаясь по лестнице вниз, я попадал в туннель, ведущий прямо к моему дому, вернее, к квартире;

там же находилась и моя личная спецлаборатория.

В мой кабинет допускалась только Валентина, все необходимые вопросы и проблемы решались только через нее. На третьем этаже я проводил практические занятия с аспирантами. Впрочем, я слишком увлекся описанием спецобъектов...

Вариант «П» обозначал «Подкидыш» — доставку человеческого материала из спецпунктов с патологическим состоянием для дальнейшего исследования и проведения опытов. Кома для меня была самой главной темой, над которой я работал на протяжении последних пяти лет. Новые препараты, созданные мной, впоследствии опробовались на пациентах и совершенно не давали желательного результата.

Постучав три раза, в кабинет вошла Валентина. Положила папку на стол.

— Это ее данные.

— Спасибо, присядьте пока.

Достал из папки лист, на котором черным по белому было написано следующее: «Венера Николаевна Крылова, 1963 года рождения, проживающая по адресу: Тульская область, город Нигдельск, улица Кирова, дом 13, кв. 27. Была обнаружена в электричке без сознания, в больницу поступила в 7.30 утра, привезла бригада скорой помощи Зудина. Все реанимационные работы были проведены. Давление и пульс в норме. Ссадин и

гематом внешне не обнаружено. Предварительный диагноз: вариант «П»».

— Не густо. Валентина, сделайте анализ крови и приведите ее в порядок. Да, вот еще что: достаньте, пожалуйста, из сейфа спецкарту.

Валентина подошла к несгораемому шкафу, набрала код, дверца открылась, и через минуту спецкарта лежала передо мной. Медсестра незаметно для меня удалилась. Мои мысли прыгали, и я не мог сосредоточиться.

Да, Нигдельск — что-то не припомню такого городка... Впрочем, на Руси названия деревень и городов встречались куда нелепее, рассуждал я вслух. Давненько не пользовался архивом. Может, ситуацию прояснит спецкарта? Напрягая мозг, пытался вспомнить, в каком году могла проводиться нигдельская вакцинация.

Карты составлялись спецорганами в определенных населенных пунктах. Как правило, это были небольшие поселения, названий которых нам знать было не положено.

Первые испытания — всегда более запоминающиеся. Они проводились в деревнях. Жителей собирали в сельсовете. Председатель рассказывал о необходимости прививок для безопасности личного здоровья и домашнего скота. Народ выстраивался в очередь. Мы выбирали самых здоровых и этим избранным вводили особую вакцину.

Оставшиеся получали витамин С2. Суть особой вакцины состояла в изменении клеточного уровня организма, при котором она влияла на работу мозга. Можно сказать проще. Вакцина делала человека работоспособным и довольным окружающим миром. Конечно, мы ни в коем случае не хотели создать человека-робота. Просто каждый человек, проживающий в СССР, должен был чувствовать себя счастливым. Человек должен чувствовать себя счастливым, где бы он ни проживал — в Москве, на Арбате, или в Гнедельске, на Севере. Меня, как молодого ученого-микробиолога, работа поглощала полностью. Вакцина века становилась не мечтой, а реальностью.

Первую мою вакцину испытывали на обезьянах. Помещали в клетку самца и самку, вводили препарат, затем постепенно подсеяли к ним привитых приматов, по одному раз в неделю. Обезьяны вели себя спокойно, совокуплялись беспорядочно, чаще всего выбор падал на того, кто поближе. Потомство получалось прекрасное, ничем не отличалось от своих производителей, а самое главное — изменения в крови передавались по наследству.

Решили проводить дальнейшие опыты на людях. Деньги выделялись огромные. Спецорганы понимали, что все затраты окупятся и в дальнейшем страна получит работоспособное население без лишних запросов. Государство не способно было предоставить всем более или менее комфортные условия для жизни. Война, разруха, голод прочно осели на плечах народа. После войны все чаще на кухнях перешептывались о загранице. Солдаты, дошедшие до Берлина, кроме счастливой победы, увидели большую разницу между загнившим капитализмом и подающим огромные надежды коммунизмом. Так сарафанное радио стало работать не на пользу светлым идеям коммунизма. Подобная вакцина существовала и до войны, но действовала в течение короткого промежутка времени. Страна нуждалась в новых

героях, на примере которых народ приобретал бы мощь и уверенность в завтрашнем дне...

Спецкарта состояла из 523 страниц, которые были облачены в тугой кожаный переплет. Нигдельск значился под индексом Н-23. Взяв из сейфа ключи от архива, который находился по соседству с моим кабинетом, я почувствовал легкое волнение. На первый взгляд, архив выглядел, как обычная библиотека. На полках пылились книги русских классиков, зарубежных фантастов и прочая медицинская литература. Подойдя к стеллажу № 23 с названием «Зарубежная фантастика», я взял книгу со второй полки, третью справа, под названием «Победить разум», автор Даниэль Мигрень. Открыв 13-ю страницу, обозначающую номер дома Венеры, я начал читать. Описывалась семья К.

«Миссис К. родилась в 1933 году, мистер К. родился в 1930 году, единственная дочь В. родилась в 1963-м...». Далее описывалось, как ранчо посетил НЛО, как украли дочь, и прочая белиберда. Зачем надо было придумывать несуществующие книги ради нескольких строчек?

На любой шифр накладывался дополнительный. Далее мне нужно было сложить годы рождения родителей $19/30+19/33=38/63$ К. С этой суммой я вернулся в кабинет, открыл железный шкаф с картотекой, отыскал папку под номером 38/63К. Усталость валила с ног. Я рухнул

в кресло и принялся читать историю болезни. «Николай Васильевич Крылов умер 24 апреля 1964 года от кровоизлияния в мозг». Тут не история болезни, а заключение патологоанатома. Стоило мне мучиться с картотекой, чтобы получить ничемную информацию, — потерял только время.

Вернул папку на место. Не знал, что делать дальше. Еще раз проанализировал ситуацию и решил присоединиться к коллегам.

Войдя в бокс, я увидел молодую девушку, лежавшую под капельницами с открытыми глазами; дверь в лабораторию была открыта.

Моя группа была в полном составе: Зельц Игорь Семенович кружил над пробирками, Валентина сидела в углу за письменным столом и аккуратно выводила формулы в тетради.

— Вот, Владимир Яковлевич, — она протянула мне лист, — это анализ крови пациентки.

Несколько раз прочитал Венерины показатели и был приятно удивлен: даже гемоглобин в норме. «Надо же, при такой бледности лица» — подумал я.

— Валентина, возьмите кровь, мне нужно самому кое-что проверить». Зельц посмотрел на меня через опущенные очки, понимающе оценив ситуацию, и вышел из лаборатории. «Кое-что» означало покинуть помещение. Вскоре Валентина принесла пробирку с кровью и последовала примеру Зельца. Мне нужно было убедиться:

пациентка чистая или привитая? Моя вакцина передавалась по наследству, и это, к сожалению, не первый случай, когда она влияла на организм подобным образом. Никому из шестерых, ранее доставленных из спецпунктов, не удалось впоследствии выжить. Венера была седьмой, поэтому мне требовалось найти причину летальных исходов.

«Первое, что нужно сделать, — размышляя я, — это добавить в кровь вакцину ВН376, по которой можно будет определить количество ВС, затем соединить с ЗКД, и тогда полученный результат должен показать, — «наша» ли это пациентка, или временный протест нейронов, решивших временно отдохнуть от работы».

Анализ продолжался в течение пяти часов. Невероятно, до моего исследования группа крови была определена. Сейчас анализ показал обратное: это новая группа, еще не занесенная в медицинский справочник. Молекулярные антигены моей вакцины не были выявлены, кроме всего прочего, в крови полностью отсутствовал белок. Во мне бурлило смешанное чувство страха и любопытства. Странно, почему первый анализ крови ничего сверхъестественного не показал, никаких отклонений от нормы не было выявлено. Значит, кровь пациентки мутировала недавно. Сердце стало биться учащенно, я вынул из кармана валидол,

положил под язык. Бывали, конечно, различные изменения органов наших подопечных, но чтобы кровь... Кто бы мог подумать? Нет, эту задачу самому не решить. Если не умрет сегодня, буду подключать своего ученика. Моя специализация — кровь, поэтому просвечивать ее органы я не допущу, мало ли что у нее внутри, эти сразу же захотят покопаться во внутренностях, и моя миссия на этом этапе закончится. Предоставлю им такую возможность в крайнем случае. Я немедленно захотел увидеть мутирующее создание.

Картина увиденного меня не обрадовала: Валентина сидела рядом с Венерой; девушка, как и прежде, лежала с открытыми глазами и все время что-то бормотала.

— Валентина, включите дистанфон и записывайте разговоры пациентки круглосуточно. Дежурить будем поочередно, пока ситуация не прояснится. Случай особенный, и не мне Вам говорить о серьезности положения. На сегодня Вы свободны, завтра в 8 часов смените Игоря Семеновича.

Улыбнувшись, она попрощалась и без лишних вопросов спешно покинула бокс. «Надо же, такая прыткость, с чего бы это?» — подумал я. — Никогда ранее не замечал за ней такой поспешности ухода с работы. Как правило, Валентина всегда задерживалась часа на полтора,

возилась с документацией. Ну да ладно.

Посмотрел на совсем уже сутулого Зельца, глаза которого выражали усталость и старость, решил его тоже отправить домой.

— Игорь Семенович, пожалуй, сегодня сам останусь, хочу понаблюдать, как она будет вести себя. Первая ночь — всегда самая трудная.

— Воля ваша, — ответил он и медленно вышел из бокса. Проклятое время, как оно меняет облик человека... Придвинул стул к койке, стал прислушиваться к ее бормотанию. Речь была ровной, но бормотала девушка абсолютно бессвязные фразы. Она говорила без остановки, и под ее бормотание я уснул. Разбудил меня крик Венеры.

— Я не буду этого делать! — три раза выкрикнула она. — Я все равно уеду!

Я вздрогнул и машинально наклонился, посмотрел ей в глаза. Зрачки расширились, и глаза приобрели ярко-зеленый цвет. Так же быстро они сузились, и зеленый цвет потускнел.

Наступила тишина, через минуту она опять начала бормотать никому неизвестную историю. «Надо же, какой бунтарь», — подумал я и смочил тампоном сухие губы. Посмотрел на часы: было уже почти семь. Решил умыться и позавтракать.

Кабинет у меня был превосходно оборудован в плане быта. Ванная комната, холодильник,

электрический чайник, сменное белье — почти как дома. В общем, кабинет со всеми удобствами.

Через 15 минут Валентина стояла в моем кабинете с пакетами в руках — кроме своей основной работы, ей еще приходилось следить за моим питанием.

— Доброе утро! — выдохнув, Валентина положила пакеты на стол.

— Доброе! Спасибо, сейчас отправляйтесь в бокс, скажите Игорю Семеновичу, думаю, он уже на месте, пусть приготовит капельницу по № (7Н343).

— Вы решили поменять формулу?

— Да, решил, — сухо ответил я. — Прокапаем, а через три дня проверим результаты и там будем решать, что делать дальше. О чем поговаривает народ?

— Вы же знаете, лежачие их не интересуют, ни у кого не возникло желания Вам помочь. У нас клиника для здоровых, ходячих и очень благодарных пациентов. Кому нужен этот подкидыш? Время поменялось, энтузиазм строится исключительно на денежных купюрах. А может, они и правы. Устали люди довольствоваться малым.

— С вами не поспоришь. Но видел я и богатых несчастных и бедных счастливых, и ровно наоборот. Откуда приходит счастье и откуда

несчастье — никто не знает. В конечном итоге всем достается поровну. Богатые хоронят своих детей, родителей, сестер, братьев, друзей, и бедных застаёт такая же участь... Так, Валентина, нам сейчас не до разговоров. Давайте приступать к работе.

— Да, конечно, только не забудьте, пожалуйста, позавтракать. Вы для нашей науки большая ценность.

— Спасибо за заботу. Каждый человек большая ценность, но, к большому сожалению, есть люди, чью ценность еще не определили. Время и только время рассудит и все расставит по местам. Валентина, помойте пациентку и приготовьте к осмотру.

Она кивнула и вышла.

Я приступил к еде. Аромат кофе и запах свежего рогалика возбуждали аппетит. После завтрака мне в обязательном порядке требовалось позвонить по спецсвязи. Металлический голос, доносящийся с того конца провода, вызывал у меня отвращение. Каждый Божий день одно и то же. Зачем им нужны эти каждодневные звонки? Все равно все прослушивалось...

— Алло! Слушаю вас, Владимир Яковлевич!

Я звоню по поводу Венеры Крыловой. Мне необходима полная информация о ее родителях. Вы поставили в известность мать Крыловой?

— Да, конечно, она все знает, но не может приехать в связи с плохим самочувствием.

— Спасибо.

Связь прервалась. Ну, может, это и к лучшему — никто не будет мешать работе.

Войдя в бокс, Валентина начала тараторить:

— Владимир Яковлевич! Когда закончила ее мыть, вдруг на моих глазах стали проявляться пятна под левой грудью. Может, это аллергическая реакция на мыло?

— Успокойтесь, ничего страшного не произошло. Осмотрев и ощупав пятна, я пришел к выводу, что на аллергическую реакцию они совершенно не похожи.

— Валентина, возьмите личное дело пациентки и запишите следующее: «Сегодня, 24 августа, в 7:40 утра у ВК появились под левой грудью пятна, в количестве семи штук, по форме, напоминающие звезду. Цвет бордово-лиловый, на ощупь плоские, размером примерно по 2 мм. Пульс и давление на данный момент в норме. Больше никаких отклонений не наблюдается». «Надо же, — подумал я, — мы ведь еще не успели поменять капельницу. А тут такая картина: звезды четко изображали ковш, созвездие Большой Медведицы. Да, девочка-загадка...».

— Доброе утро! — Зельц вышел из лаборатории, держа капельницу в руке.

— Доброе, доброе. Поставьте капельницу, формулу не меняйте в течение трех дней. Если появятся какие-либо изменения, сразу же информируйте. Вы, — обращаясь к медсестре, сказал я, — наложите повязку на глаза с раствором Н372, два часа с повязкой, 15 минут — без. Вы свои задачи знаете, выполняйте.

Махнув рукой, я вышел.

В это время Венера, находясь под капельницей, вдруг почувствовала, что ей стало тепло и приятно, что ее беспокойство испарилось, вот только что-то жгло под левой грудью.

«Ничего, потихоньку привыкаю к новому состоянию. Пока ничего не вижу, только слышу какие-то отдаленные голоса. А что я в своей жизни хорошего видела? Угрюмые люди, которые сопровождали меня повсюду. Школа, дом... Сплошная скука. Наслушалась вдоволь полезных советов, как мне жить, думать, во что одеваться. Единственное, о чем я жалею, — не вижу моих любимых звезд. Надо только представить, но мое воображение рассеивается. Я точно знаю, что у меня получится, это им не удастся у меня украсть...».

* * *

Сидя за столом, просматривал ежедневник. Завтрак вычеркнул, осмотр пациентки тоже, далее по плану, в 11:00 обход второго этажа тоже вычеркнул — как говорит Валентина, лечим здоровых, а у них, кроме веса, ничего больше не прибавится. В 2:00 практические лабораторные занятия с аспирантами отменяю.

Подошел к спецтелефону, снял трубку.

— Слушаю, Владимир Яковлевич.

— Мне нужна дополнительная информация по пункту Н23.

— Вы уже просили, я вам перезвоню, — ответил монотонный голос.

Время приближалось к полудню. Посмотрел в зарешеченное окно, погода меня порадовала. День выдался на редкость солнечный. Люди сновали туда-сюда. Да, спокойно прогуливающихся пар давно не наблюдал. Куда они все спешат, к чему эта нервная суета? Мои размышления о бытии прервал телефонный звонок. Снял трубку. Голос начал вещать: «Пункт Н23 полностью прошел вакцинацию, за это время ничего необычного не было выявлено, за исключением одного факта: в 1978 году Венера Николаевна Крылова намеревалась покинуть пункт, мотивируя свой поступок особой тягой к знаниям и устройством личной жизни. Записи домашних разговоров мы передадим Валентине. До связи».

Да, девочка, задала ты мне задачку... Никто и никогда не намеревался покидать спецпункты по собственному желанию. Но почему меня не проинформировали? Считал себя гением, а тут на тебе — личная жизнь. Неужели человеческая натура победила искусственную жизнь, вакцина дала сбой? Спецорганы в круглосуточном режиме прослушивали привитых, впрочем, и всех остальных тоже. Сводки приходили всегда положительные: люди работали с энтузиазмом, возвращались домой после работы довольные и счастливые. Развлечений им особо не требовалось, просто жили и радовались каждому дню. Вот таким, возможно, бывает счастье, для которого не так уж много надо. Просто любить жизнь во всех ее проявлениях.

Валентина вошла без стука.

— Владимир Яковлевич!

От внезапного появления я вздрогнул.

— Вы что, хотите меня заикой сделать?

— Извините, мне сказали срочно, только что доставили. Она положила кассеты и вышла. Всего три... Молчаливое семейство оказалось.

Вставил кассету под № 1, надел наушники, прибавил громкость и начал слушать.

— Мама, я не буду пить молоко. В школе тоже кипяченое. Меня воротит от этой белой массы!

— Ты что, телевизор не смотришь? Все нормальные люди по утрам пьют молоко.

— Я сказала не буду! Не заставляй меня!

— Вся в отца! Ты знаешь, он умер в молодом возрасте, я его умоляла пить молоко.

— Мама, я не в детском саду, чтобы слушать сказки. Если бы папа был жив, я уверена, он никогда не заставлял бы меня делать то, чего я не хочу.

— «Не хочу!» Нет таких слов. Есть слово «надо!».

— Вот кому надо, тот пусть и делает.

— Сил моих нет. Пожалуюсь врачам — пусть они тебя успокоят.

— Была я уже в больнице, и что-то не видела там врачей, пьющих молоко. Коньячок в ночную смену — это да! Только больным советовали: «Лейте, пейте — это полезно!».

Остановил кассету. Ничего такого в разговоре не нашел. Задумался... Ведь я тоже терпеть не могу молоко. Мои родители никогда меня не заставляли его пить.

Я рос в семье микробиологов. Часто в детстве болтался у них в лаборатории. Папа и мама были сиротами. Присматривать за мной было некому, иногда просили соседку Нюсю по коммунальной квартире. Нюся была одинокая женщина, судьбы ее я не знаю. Самое противное для меня то, что она

охотно соглашалась и уводила меня в свою комнату, пахнущую нафталином и овечьей шерстью. Так я скрашивал ее одиночество. Но мне с ней было скучно, все время она пыталась меня накормить, читала неинтересные сказки, заставляла искать укатившийся клубок с пряжей.

Каждое утро я устраивал истерику родителям, выбегал в коридор, садился у входной двери и громко рыдал. Иногда мой примитивный план срабатывал. Родительское сердце не выдерживало слез и соплей и меня брали с собой. Вот это была настоящая радость! Работали они вдвоем, мне тоже позволялось похимичить. Отец выдавал мне пробирки, ставил маленький ковшик с водой, мне давалось задание заполнить стекляшки до половины сахаром, содой, солью и потом разбавить водой. Взболтать тщательно, и как только содержимое полностью растворялось, я получал похвалу.

«Вовочка, ты просто алхимик, точно станешь знаменитым ученым», — говорил отец. Моей радости не было предела. Любил и люблю похвалу до сих пор.

Ну вот, это старость — опять воспоминания уносят меня в детство. Когда мне исполнилось семь лет, я, как и все мои сверстники, отправился в школу. Вот тогда по-настоящему наступила скукота, даже Нюся не шла ни в какое

сравнение. Душные классы, строгие учителя, двойки... Время пролетело быстро; наконец-то пришел долгожданный выпускной, аттестат, и на этом мое детство закончилось. На семейном совете решили, что я буду поступать в мединститут. Курс микробиологии, затем закрытая кафедра, и жизнь моя потекла... Друзей у меня было немного: Витька и Толька, еще со школьной скамьи. Их родители тоже занимались наукой. Наши ученые родители дружили, часто собирались у нас дома, любили отмечать существующие и придуманные праздники. Один из них назывался «День опавшей листвы», который отмечался осенью. Мы, три товарища, как всегда, были предоставлены сами себе и доставляли немало хлопот родителям, потому что ни одна игра не заканчивалась благополучно. Так получилось, что друзья по гулянкам родителей, ребята, тоже поступили в хорошие ВУЗы. Первые месяцы института созванивались, а потом учеба стала отнимать почти все время. Так пути наши разошлись.

Все, на сегодня воспоминаний достаточно. Пойду домой, надо лечь пораньше, завтра предстоит колдовать над пробирками.

* * *

Проснулся в 5:00. Зарядка в постели: поднял

руки вверх, вращая кистями, что чем-то напоминало танцующую грузинку, затем несколько раз повернул голову направо, налево. Вот, собственно, и вся физзарядка. Контрастный душ, завтрак, оделся — и на работу.

Распахнул тяжелую дверь клиники, почувствовал определенные запахи, которые указывали на мой второй дом. Я решил напрямик направиться в бокс. Вчера всю ночь дежурил Зельц. Я открыл бесшумно дверь, увидел привычную картину дежурства коллеги. Игорь Семенович спал на кушетке, тихо похрапывая. Девушка лежала неподвижно, что-то, как всегда, бормотала, и этот дуэт записывал диктофон. Приподняв простыню и осмотрев Венеру, обнаружил, что пятна в виде звездочек побледнели. Снял повязку, и мне на секунду показалось, что она меня видит: зрачки расширились, зеленая роговица потемнела и глаза налились черным цветом. «Саквояж, саквояж, саквояж», — все громче и громче повторяла она. На кушетке появилось движение; Зельц приподнялся, громко зевнул, протер глаза, достал из нагрудного кармана очки, дрожащими руками пристроил их поудобней на переносице.

— Доброе утро Вам.

— И Вам.

— Никак наша леди в путешествие собралась, саквояж забыла на перроне, — посмеиваясь, Зельц

начал хрустеть пальцами.

Эта привычка меня раздражала, и я покинул бокс. Вернувшись на свое рабочее место, сделал обычный ежеутренний звонок и стал обдумывать дальнейший план работы. Надо же, про саквояж знает!.. Эту багажную принадлежность я ненавидел.

АВДОТЬЯ

Разбитый фонарь дребезжал от ветра. Ощущение промозглости и холодного воздуха не прибавляло настроения. Вокруг крошечная тьма. Благо, часы мои с неоновыми стрелками — подарок учителя за мое усердие — показывали 2:20. Вот уже на десять минут опаздывал водитель.

На железнодорожной станции, если ее можно так назвать, было пустынно. Небольшое строение из бревен напоминало избушку лесничего. Поезд, на котором я добирался до этой глуши, остановился на две минуты. Кроме меня из вагона вышли несколько пассажиров, которые вскоре растворились в темноте. Прибыл я в эту деревню по поручению профессора. Почему выбрал именно эту местность, он мне не объяснил. Мне велено выполнить свою работу и вернуться в Москву через несколько дней.

Я — молодой микробиолог, подающий надежды. Так, во всяком случае, считает мой

учитель — профессор микробиологии Владимир Яковлевич Устинов. Светило науки. Между коллегами его принято называть «ВЯ». Прозвище короткое, но полностью ему соответствует. Привычка профессора подходить со спины и делать «ЦУ», бормоча на ухо. На практических занятиях всегда выделял меня, вот и на этот раз поручил мне изготовить 20 пробирок с вакциной от пневмонии. И отправил на вакцинацию в захолустье, инструкцию я должен получить по прибытии. Я уже начал думать, что про меня забыли, как вдруг из темноты послышался гул мотора. Молодой парень лет двадцати четырех выскочил из грузовика и, покашливая в кулак, начал извиняться.

— Здравствуйте, прошу прощения, задержался маненько. Меня Федором кличут, будем знакомы.

— Владимир, — я протянул ему руку, он вытер ладонь о правую штанину и сжал мою руку, сила чувствовалась в этом парне.

— Машина заглохла по дороге, цельный день мотаюсь туды-суды, одна машина в округе, — оправдывался Федор.

Мы сели в машину и помчались по колдобинам. Я плотно прижал к себе термоконтейнер, боялся, что в любую минуту он может вылететь через лобовое стекло.

— Василь Степаныч наказал везти вас к тетке Авдотье. Небось, пирогов уже напекла, поди

дождаться старуха гостя.

Через минут пять вдалеке появился мерцающий огонек из окна.

— Вот вам туды, где лампадка светит.

«Ну слава Богу, сейчас завалюсь спать», — заранее мечтал. Федя заглушил мотор. Вышли из машины и стали пробираться через заросли — тропинки не наблюдалось. Войдя в дом через сени, мы попали на кухню. В левом углу находилась печь, чисто выбеленная, в правом — окно с горящей лампадкой и небольшой деревянный стол с двумя табуретками. На столе стоял таз, накрытый полотенцем, на стене — несколько деревянных полок из неотесанных досок, полностью заставленных банками, — вот, пожалуй, и все, что сразу зафиксировали мои глаза.

— Здравствуйте. Я — Авдотья Лукинична.

Передо мной стояла худощавая, невысокого роста пожилая женщина с большими голубыми глазами. Ее пристальный взгляд смущал меня: она смотрела на меня, как будто изучала музейный экспонат. Белоснежный платок на голове подчеркивал плавный овал ее лица. «В молодости явно слыла красавицей», — подумал я.

— Володя. Очень приятно познакомиться.

— Знаю, знаю, как звать, когда пачпорт развернуть, — смеясь, проговорил Федя.

— Ты давай, Лукинична, принимай жильца

как положено! Черный кот, лежавший возле печи, вытянулся и зашипел.

— Чаво горлопанишь, окаянный, опять Ваську напугал! Иди с Богом, Иванова дудка. Авдотья развернула Федю и выпроводила из дому.

В избе пахло чистотой и пирогами. Тишину нарушил звук мотора отъезжающей машины. Через пять минут все стихло. Авдотья вернулась.

— Не обращайтесь внимания, бывает, что-то находит на няво. Может, руки хотите помыть с

дороги? Умывальник в сенях, полотенце на крючке чистое. Ножик за домом. Пройдемте, покажу покои.

Мы вошли в небольшую комнатку. Лампадка, стоявшая на сундуке, давала слабый свет, дуло из окна, фитиль танцевал под лампой, искажая наши тени. Справа находилось мое временное ложе — железная двухспальная кровать с высокой периной и многочисленными подушками, выстроенными в ряд. В левом углу висели иконы. Авдотья перекрестилась и поклонилась им.

— Вы верующая, Авдотья Лукинична?

— Глупый вопрос задаете, конечно, веруща, иль подумали, образа для красоты повесила? А вы небось атестат?

— Атеист, — поправил я.

— Не могу запомнить паршивое это слово. Авдотья перекрестила рот.

— А Вы где спать будете?

— В сенях, милоч, летом завсегда там отдыхаю.

— Электричества по всей деревне нет?

— Чаво нету?

— Свет есть у вас?

— А как же, с рассветом и появится. Солнышко завсегда светит. Вы свои пожитки оставляйте и пойдете чаю попьем с пирогами.

— Спасибо, я не голоден, в поезде не

выспался, с ног валюсь.

— Так отдыхайте, силы набирайте.
Спокойной ночи!

— И Вам того же.

Она прикрутила фитилек в лампадке, натянула занавеску, заменяющую дверь, и пропала в темноте. Белоснежная накрахмаленная постель пахла скошенной травой. Разве матрац может сравниться с периной? Она словно обнимает со всех сторон и убаюкивает. Я моментально заснул.

Грохот падающей на пол металлической посуды прервал мой сон. Посмотрел на часы: стрелки показывали ровно 8.30. Потянулся, вставать не хотелось, если бы не звала естественная нужда. Надел спортивный костюм и, прихватив с собой зубную щетку с пастой, отправился к намеченной цели.

Авдотья Лукинична суетилась на кухне, накрывая на стол.

— Доброе утро, Авдотья Лукинична!

— Доброе для меня, коль имя мое не позабыли. Умывайтесь, затем завтрикать будем, — сказала, не оборачиваясь, и продолжала возиться с посудой.

Вернулся с начищенными зубами, и моя рука потянулась к пирогам.

— Тольки с картоплей напекла, — она ближе

пододвинула ко мне тарелку.

— Очень вкусно! — сделал комплимент и потянулся за вторым. Из глиняного кувшина Авдотья Лукинична налила молоко в граненый стакан.

— Вы, конечно, мастерица по выпечке. Забытый вкус, тетушка меня в детстве тоже баловала пирогами, но ваши намного вкуснее!

Тарелка незаметно опустела. Хозяйка наполнила тарелку с горкой, села напротив меня, поставила локти на стол, подпирая голову, накрыла щеки ладонями и с застывшей улыбкой наблюдала за моим поглощением пищи.

— Кушай, кушай, все для тебе.

Мои комплименты окончательно расположили ко мне Авдотью, и она перешла на «ТЫ».

— Вам здесь не скучно, в деревне?

— А мне не бывает скушно, мои мысли всегда со мною. Скушно — это когда пустота в голове.

— А молоко где берете? Сарая, как я заметил, у вас нет.

— Это ты правильно подметил. Нету у меня. Так это Ленька, сосед глухонемой, кормилицу держит. Нам хватат, три калеки всяво осталось на подворье.

— А третий кто?

— Так это Васька, кот мой старый. Незрячий, а все за мухами гонятся, это он, баламут, тебе разбудил, все кастрюли снес с печи, зараза. Васька больше всяво молочко любит, вот удой на троих и делим.

Кот растянулся на деревянном полу возле печи; луч света, пробирающийся сквозь оконное стекло, грел Ваське спину.

— А продукты где берете?

— Федька по записке привозит с другой деревни — колгосп называется. Пензии хватат, слаба умом с детства, жалеют меня.

— Я, пожалуй, прогуляюсь.

— Конечно, сегодня выходной для всех — воскресеньем называется.

Вышел со двора. Пять обветшалых домиков замыкали круг, утрамбованная дорога, разделяющая дом Авдотьи и соседей, вела в неизвестность. Полная тишина вокруг. Кого я буду прививать в этом Богом забытом месте?... На этом мой променад закончился. Вернувшись, зачем-то закрыл за собой покосившуюся калитку. Возникло странное ощущение полного одиночества и никчемности.

Решил изучить Авдотьино «помесье». На заднем дворе картинка вырисовывалась повеселее. Посередине стояла яблоня, возле нее размещалась железная кровать с облупившейся зеленой краской;

на ней сушились два тулупа, деревянная будка, сколоченная из реек, стояла в стороне, плотно окруженная бурьяном. С размаху завалился на кровать, металлическая сетка прогнулась под моим весом, и я ударился копчиком о землю. Появилось неприятное ощущение в тазобедренном отделе. Подняться с этого ложа было непросто, — ухватившись руками за спинку кровати, попытался подтянуться, при этом железная подпорка отвалилась и ударила меня по голове. Вот это выходной выдался у меня — сплошные травмы. Слияния с природой у меня не вышло.

Прилепив спинку на место, решил вернуться в избу, а то, не дай Бог, стану третьим калекой вместо кота. Не доходя до угла дома, отчетливо услышал телефонный звонок, доносившийся из будки. Это еще что за колокольня? Любопытство взяло верх, решил вернуться и проверить внутреннее содержание постройки. Раздвигая руками бурьян, пробрался к будке, открыл дверцу и увидел телефонный аппарат, ничем не отличавшийся от московских. Вот тебе и садочек! Трезвон не прекращался, я снял трубку и услышал какой-то неприятный скрежет. Машинально повесил трубку. Почувствовал легкое головокружение, что-то теплое покатило по правой щеке. Приставив ладонь к уху, увидел, как маленькая струйка красной жидкости стекает по руке к локтю и падает

на землю. Испугавшись вида собственной крови, побежал в дом.

— Авдотья Лукинична, посмотрите, что-то с ухом, может, расцарапал нечаянно.

— Все может, присядь пока.

Она достала с полок банки, бросила несколько щепоток порошка в кружку, залила кипятком, намочила полотенце водой, обтерла кровь, свернула из марли трубочку, дунула на нее, аккуратно засунула в ушную раковину. Встала позади меня и начала шептать что-то в затылок. Через минуту вынула тампон — на удивление, кровь остановилась.

— До свадьбы заживет. Выпей отвар, горечь одна, ну ничаво — полегчает.

Медленно отпивая из кружки горячую отраву, я не мог понять, как я, ученый человек, беспрекословно подчинился этой темной женщине.

— Таперича иди приляг на левый бок, поспать тебе надо. Улегся в кровать в одежде и моментально заснул.

СОН ВОЛОДИ

Мне снилась Вероника Всеволодовна — мама моей одноклассницы. Она впилась красным маникюром в мое правое ухо, теребила его, приговаривая: «Как ты посмел не съесть ни кусочка

яблочного пирога!». Боль усиливалась. Я попробовал вырваться, но ничего не получалось, ее ногти как будто бы приклеились к уху. Я стал кричать: «Помогите!», но вокруг никого не было. Посмотрел на стены — висевшие африканские маски заржали, потом зашипели: «Так тебе и надо, сукин сын, это тебе за непослушание». Дернулся в сторону изо всех сил, боль прошла. Посмотрел на Веронику Всеволодовну — в ее левой руке осталось мое ухо.

— Это вам для коллекции, — закричал, выбежал из квартиры и понесся вниз по лестнице. На улице никого не было, город словно вымер, я не знал, куда идти. Где мой дом? Я не мог вспомнить. Интуитивно побежал в сторону парка. Вдалеке на скамье сидела девушка; приблизившись, я узнал в ней одноклассницу Катерину.

— О, привет, Пьер Безухов. Вот, на, забери — нам чужого не надо!

Она протянула мне мое оторванное ухо. Схватив его, я побежал прочь от ехидного создания во плоти. Бежал без оглядки, силы стали покидать меня, споткнулся, из руки вывалилось ухо и покатилося вперед.

— Подожди меня! — стал кричать во все горло, но оно продолжало катиться, пока совсем не исчезло. Подняться я не мог, и от бессилия заплакал.

* * *

— Володенька, просыпайся!

Нежный, как будто родной, голос шептал в мое оторванное ухо:

— Просыпайся!

Открыл глаза — передо мной стояла Авдотья Лукинична.

— Пора вставать, нельзя спать с отваром долго. Как бедовая твоя головушка?

— Спасибо, намного лучше.

До сих пор не мог понять, это сон или я действительно проснулся.

— Вот выпей, — она протянула кружку, — силы вернутся к тебе, полежи еще маненько.

Я выпил содержимое, Авдотья улыбнулась и вышла. Вспомнил сон, схватился за правое ухо — оно было на месте. Надо же, приснится же такое... Через некоторое время почувствовал прилив сил и легкий голод. Медленно поднялся и пошел на кухню. Авдотья кружила возле печи. Я сел за стол и терпеливо ждал приготовленный деревенский обед. Пахло вкусно, слюна начала интенсивно выделяться.

— А что за аппарат у вас в саду?

«Это, конечно, одно название — сад, если учесть наличие в нем всего одного дерева», —

подумал я.

— Ты это про чудо-звон спрашиваш? Так давно он у мене, еще с тех пор как постоялец жил. Годков двадцать с лишним минуло. Дохтур знающий был. В один день выстроили энтот срам, тянули какие-то веревки, весь сад опосля и сгинул. Одна горемыка-яблонька осталась.

— Так ей повезло, — решил приободрить хозяйку.

— Еще как! Осталось ей только с бурьяном шептаться. Деревьям, Володя, обчество надобно. Одно дерево — это как сирота. Ведь оно может веками выстоять на одном месте. Веселья мало... Хошь, попробуй, постой с ней рядом, на сколько тебе хватит?

— Вы считаете, что деревья способны чувствовать?

— Не знаю, неученая, чувствую я так, вот и весь сказ.

— Что с вашей деревней произошло?

— А кто ее знает, вымерли все.

— Семья у вас была?

— Думаю, что была, не от Святого же Духа я появилась. Последнее время память меня подводит.

— Страшновато, наверное, здесь одной жить?

Авдотья рассмеялась: «Скажешь тоже, от умора от тебе. Кого страшиться? Леньку, што ли, пришибленного иль кота Ваську? Бога надо

бояться, — Авдотья перекрестилась, — а больше некого».

В дверь постучали, от неожиданности я вздрогнул.

— Здравствуйте!

Пожилой мужчина невысокого роста снял с головы фуражку и поклонился в мою сторону.

— Добрый день! — ответил неожиданному гостю.

— Чаво настукиваш, горемычный, каким ветром табе сюды занесло?

— Чаво шум подняла, не к табе мои ноги приволочилися. Заданье важное у меня к постояльцу. До сельсовета утром ходил, Степаныч конверт велел передать.

— Так давай и ковыляй к сабе.

Ленька растянул рот в беззубой улыбке и протянул конверт. Авдотья взяла его, махнула ему рукой. Он поклонился и вышел.

— Зачем вы с ним так строго?

— Знаю зачем — женихаться надумал, балда старая.

— Вы говорили, что он глухонемой.

— Так это яво с детства так прозвали. Марфа, мать-покойница, страдала таким недугом, отец яво рано помер, так она Леньку своей немтырской речи обучила. Всё друг дружке руками махали да рот кривили. Калека Ленька на ногу, несчастный.

Перекрестив конверт, она положила его на стол и вышла. Распечатав, вынул клочок бумаги, на котором аккуратным мелким почерком было написано следующее: «Будьте готовы к девяти часам утра, завтра за вами придет Федор. Он доставит по назначению. С железнодорожниками не разговаривайте, сделайте прививки и возвращайтесь к Авдотье. Ночью Федор отвезет на станцию, поезд в 1.20».

Коротко и ничего не ясно. Собственно, зачем мне беседы вести с незнакомцами, подумал я. Глупые какие-то предостережения. Поскорей бы наступило завтра. ВЯ подписал мне отпуск, так что после командировки укачу в Сочи. Море, девушки в купальниках — что может быть лучше такого отдыха. Да, скукотища непроходимая... Авдотья Лукинична куда-то пропала, оставила меня без обеда. Приподнял полотенце, достал из тазика пирожок, выпил стакан молока, и мой желудок заурчал, просил добавки. Решил подождать хозяйку. Подошел к полкам, стеклянные банки стояли в ряд, разноцветный порошок был прикрыт крышечками из нескольких слоев марли, ни одной подписанной банки — интересно, как она их различает? Понюхал содержимое, запахло аптекой. Из сеней послышался стук, открыл двери и увидел Авдотью Лукиничну с мешком.

— С урожаем пожаловали?

- С ним, родимым.
- Давайте я Вам помогу.
- Табе энтого не осилить, тут знание нужно.
- А что там?
- Трава-мурава.
- Из сказки?
- Из лесу, — строго ответила Авдотья.

Она расстелила на топчане холщевые мешки, высыпала содержимое из мешка. «Трава как трава», — подумал я.

— Принеси для сабе табуреточку, посиди со мной.

Я быстро вернулся с табуреткой, сел с ней рядом. Она начала плести из травы что-то похожее на венок, потом запела тоненьким голоском:

Ты трава моя, травинушка,
табе в гости позвала.
Дай мне силу, силу-силушку,
не хворать мне никогда.
Ты лечи меня, лечи, всю
хворобу изгони
С ветром, с пеплом улетай,
говорю табе «прощай».

Венок был сплетен.

— Ловко Вы с ним справились.

— Ловко, Володя, брешут люди, а я плету

быстро, сызмальства приучена. Тетка научила всяму, Царствие ей небесное.

Авдотья перекрестилась, повесила веночек на гвоздь и накрыла марлей.

— Накрываете от мух?

— От людского взгляда, помирает, нечаво всем пялиться, как увядат она.

— Так трава у Вас тоже одушевленная?

— Все, что растёт, — все живое!

— Интересно Вы трактуете.

— Трактуеть машина у Степаныча в колхозе, больше помнёт, чем соберёт.

— Так легче же народу стало с техникой жить?

— Не знаю, не работала с машинами. Только знаю одно: вонь от них. Раньше люди все руками делали, душу вкладывали. А кака у машины душа? Не едал ты настоящего хлеба...

— А мне и этот нравится.

— Конечно, нравится, потому как другого не кушал. Ладно, Володя, обедать пора.

Мы вернулись на кухню, она достала чугунок из печи и поставила на стол. В алюминиевые тарелки посыпалась перловая каша.

— Мне много не кладите. Терпеть не могу перловку с детства, — проворчал про себя. Она молча добавила топленого масла и принялась есть. Попробовал пару ложек. Каша мне, на удивление,

понравилась, через пару минут тарелка опустела. Попросил добавки.

— То-то же, у нас крупа вкуснее, чем ваша.

Я кивнул, дал ей молчаливое согласие. Съел еще несколько пирожков, запил молоком, и мой желудок насытился. Надо было привезти с собой пару банок тушенки, Авдотья, по всей видимости, мяса не ест. С другой стороны, пара разгрузочных дней для организма не помешает.

— Спасибо, было очень вкусно. Авдотья Лукинична, что у Вас в банках хранится?

— Порошки от хвороб всяких.

— Как Вы можете различить их, ведь некоторые из них почти одинаковые по цвету?

— Смешливый ты, Володя, неужто не понимаешь? Кот Васька помогает различать.

Эта глупая шутка меня рассмешила. Авдотья не смеялась.

— Я ж тебе давеча сказывала, слаба умом с детства, вот и лечу сама себе. Докторов у нас нету.

— Не замечал я за Вами этой болезни.

— Видела, Володя, твои глаза, когда я тебе про яблоньку рассказывала. Табе со стороны не видно, а мои глаза не обманешь. Ты иди, прогуляйся, а я пока посуду собираю.

На часах было ровно три. Вышел во двор, и меня потянуло к яблоне. «Ну привет, как ты здесь?». Ветки слегка шевельнулись. Ветра не было.

Вот это да! Наверняка показалось. Авдотья внушила мне про все живое, вот и стало мерещиться. Подошел к ней и обнял за ствол. Голова закружилась, я отпрянул в сторону и застыл на месте; на мгновение мне показалось, что не могу двигаться, ощутил смесь страха и безволия. Звон из будки привел мое тело и мысли в движение. «Надо возвращаться, пока не начались новые приключения».

Вошел в дом и пожаловался Авдотье на недомогание.

— Ничаво, ничаво, поправишься. Свежий воздух душу омывает, поэтому голова кружится. Ты присядь.

Авдотья подошла к окну, открыла форточку. Налила в ковш воду, подошла к полке, взяла три банки, поставила на стол, по шепотке бросила из каждой банки в ковш, подошла ко мне.

— Посмотри в водицу, — командным голосом произнесла. Я посмотрел на красного цвета воду, она намочила полотенце и положила мне на голову. Придерживая компресс рукой, Авдотья зашептала на тарабарском языке, с шепота перешла на шипение, отложила в сторону полотенце, потом как будто что-то сгребала с головы в кулак, подносила руку к форточке и что-то якобы выбрасывала. Так произвела три раза манипуляцию с форточкой, потом хлопнула меня по плечам, я от

неожиданности вздрогнул и почувствовал прилив сил.

— Ты иди сейчас, приляг. Я тебе разбужу, когда нужно.

Она проводила меня до кровати, я плюхнулся в одежде и сразу отключился. Снилось мне шепчущая трава, яблоня, манящая к себе ветками и все время приговаривающая: «Ты обними меня, не бойся, Володенька, не бросай меня одну, сироту несчастную».

— Володя! Володя!

Я открыл глаза. Авдотья стояла и махала руками.

— Не добудись тебе. Ужинать пора!

— Вы извините меня, в одежде заснул.

— Ничаво, милоч, твое тело — твоя одежда, своим не запачкашь.

Авдотья вышла, а я, понежившись еще пару минут, поднялся и пошел умываться. Уже начинало смеркаться, часы показывали начало седьмого. Приободрившись водой из умывальника, сел за стол в ожидании ужина. Авдотья зажгла лампадку, и комната осветилась.

— Будем чай пить с сухариками и земляничным вареньем. Я на ночь ничаво тяжелого не кушаю. Если ты хошь, кашку подогрею тебе.

— Спасибо, я как Вы.

Отпил глоток чая, горячая жидкость попала в желудок, затем хлынула в голову.

— Чай у вас отменный.

— Ты кушай, кушай, не перехвали. Завтра на работу тебе, сил набирайся, с Федькой езда — это дополнительный надвесок к работе, да еще домой вертаться.

РАССКАЗ АВДОТЬИ

— Авдотья Лукинична, Вы когда-нибудь выезжали с подворья?

— Конечно, а ты как думал? Ездили на пару с Ленькой, пока звезда не упала.

— Какая звезда?

— Кобылка была у Леньки: черного окрасу, на лбу белое пятно, на звезду схожая. Так он ее и прозвал. Хвороба схватила кобылку. Ленька, дурак, решил побаловать лошадку, угостил ее мармеладками из сельмага. Как только слизнула с ладони угощение, так через ночь и сгнула божья тварь. Лишил, балда, нас транспорту. Так хорошо было, мы на ней до колхоза ездили, скуплялися в сельмаге, там и тракторы видала, и всякой безобразии вдоволь насмотрелася. Слава тебе, Господи, — она три раза перекрестилась. — Отвел меня Господь от этого антихриста-колхоза.

— А в большом городе были?

Мне хотелось спросить о столице, но я понимал, что на Звезде с Ленькой они не добрались бы и вряд ли она знает о существовании другого мира.

— Чаво я там позабыла? Ты ведь приехал, ничаво в табе особенного нету. Два вуха, нос, рот, все как у мене. Иль ты скажешь, люди у вас не хворают, не помирают? Един конец, што у вас, што у нас.

— О войне знаете с немцами?

— Да хотя с бусурманами. Слыхать слыхала, да ничаво ни видала. Если табе про войну надобно знать, ты заедь к Степанычу в колгосп, поспрашай яво. Наше дело сторона, мы здесь с Ленькой доживаем свой век как прокаженные. И табе нечаво лишнего в голове хранить.

— Вам виднее, наверное, — не стал ее переубеждать.

— Виднее только Богу, с высоты завсегда лучше все видать, если далече хошь поглядеть.

— А как же общение?

— С кем это?

— С людьми.

— С Богом у меня обчение, еще много вопросов осталось к нему. Што ни день — то новый вопрос.

— Ну и как, отвечает Вам?

— А как же. Если бы Господа не слыхала,

молитвы бы не читала.

— Авдотья Лукинична, Бога Вы любите, а мужчину любили когданибудь?

— Чому быть, Володя, таво не миновать. Дал Господь мне и тако испытание.

— Расскажите, мне интересно Вас слушать.

— Длинна история.

— Так времени у нас предостаточно.

И на самом деле, мне захотелось узнать, как сложилась ее судьба в этой дыре.

— Ну ладно, коль табе интересно, слушай. Начну сдалека, — Авдотья вытерла уголки рта фартуком и улыбнулась:

— Давненько эта любовь со мной приключилась, если подсчитать, годков двадцать с лишним тому назад. Ну начну с сабе. Родилася я в хорошей семье, верующей. Отец мой — Лука Васильевич, мать — Анна Павловна. Опосля революции, штоб ее хвороба взяла, выслали моих родителей с Урала, савсем еще молодые были, приехали сюды они с мамкиными родителями и матеревой сестрой. Тятькины родители померли, не знаю от чаво, да и Аграфена, тетка моя, ничаво не рассказывала об них. Мой прадед по маме — Раздарских Павел Петрович — был зажиточным крестьянином. Кулаками таких работающих мужиков называли. Держал лошадей — до ста голов было. Може, и меньше, брехать не буду, это все тетка мне

поведала, Га́ша — мамкина старшая сестра. Так вот... Стали они поманеньку здесь обживаться. Много народу высланного в эту сторонку занесло. Раньше мужик был рукастый, выстроили здесь деревню. Жизнь вроде бы налаживалась. Изба у нас хорошая была. Жили вчетвером: мамка, тятка — отец, значит, по-сягодняшнему, я и Га́ша. Бабка с дедом почти сразу сгинули, опосля моего рождения. Пошли в лес зимой, може, заплутали, а може, медведь задрал... Тольки весной нашли, признали по кожушкам. — Авдотья перекрестилась. — Пришлось Аграфену к сабе забрать, падучей болезнью страдала, бедная, замуж никто не хотел брать такую. Жили вроде хорошо. Родители в колгоспе работали, а мы с Га́шей дома их дожидались. Ну вот, пронеслася по деревне весть: мол, страшная хвороба в нашу деревню собралася. В сельсовете собрание состоялось, председатель всем наказал, мол, так и так, завтра дохторы приедут, уколы будут ставить от заразы, и штобы все до единого пришли завтра утром в сельсовет. Государственной важности дело, а хто заартачится, увязут куда надо. Га́ша рано утром мене разбудила, одела тепло, в платок хлеб и бутыл с водой завернула, и мы в лес побегли, считай три версты отсюда. Лет пять всяво мне было, а все до сих пор помню. Три дня мы с ней в лесу промыкались, спали на хворосте, засыпанном

травой. Мне с нею было не страшно. Молитву на ночь прочтет и говорит: «Вот, Дотька, таперича наши ангелы-хранители нас оберегают. Ничаво нас не возьмет». Вертаясь в деревню, все мне наказывала: «Спрашивать будут, мол, где пропадали? — говори — заплутали и гавкай как собачонка, а то прознают, што убегли, шило будут загонять под кожу». Всю дорогу дрожала — подействовал теткин рассказ. Вернулись мы под вечер. Вошли в избу, а тама мои родители лежать на кровати бледные, пот течет с них градом. Мамка кричать стала: «Уходите, заразные мы. Погубили они нас». Гаша стукнула мене по спине и велела ждать во дворе. Расплакалася, што такое с мамкою и тяткою приключилося. Аграфена почти сразу за мной вышла: «Пойдем, милая, обратно в лесочек. Будем травушку-муравушку собирать». Так, може, мы недельки две еще в лесу пробыли. Вернулись, а деревни и след простыл, одна гарь стояла в округе, все избы сожгли, вместе с людьми.

По щекам Авдотьи полились слезы, она стянула платок с головы и закрыла лицо. Я не знал, как мне поступить, просто молчал и ждал, пока она выплачется. Она глубоко вздохнула, повязала платок и продолжила.

— Опосля всяво тетка моя умом тронулася, не совсем, конешно, стала с покойниками разговаривать. Бывало, толкнет мене в бок и

говорит: «Смотри, Дотька, мамка стоит, улыбается тебе». «Где, где, Гаша? Не вижу!». «Мала еще, увидишь». Все знала наперед, больно умная была. Так вот, осталось всяво пять дворов, они завсегда стояли, как у нас говорят, на отшибе. Это изба моих деда с бабкою с заколоченными окнами, они как померли, туды никаво не поселили. Тетки Марфы глухонемой, с Ленькой впридачу; деда Серафима безногого; Пантелевых изба, двое детей народилось у Якова с Варварой, близнецы — мальчик и девочка, и оба незрячие, потому што нагреховодили, двоюродный брат с сестрою, да бабка Глафира, старая и совсем глухая. Вот и все обчество наше на подворье. Потом комиссия пожаловала, уцелевших проверять. Три мужика и баба. Председатель их приволок. Вошли в избу, расселись и начали Аграфену пытаться: мол, почему убегла, ослушалася. А она им в ответ песню петь:

Приснился мне миленький, в лесочек позвал,
Грел мои ручки холодные, обнимал, целовал.
Кормил меня ягодкой, красой называл,
Так и на травушке невинность украл.

Потом как упадет, стала биться головою об пол, трясется вся, пена изо рта пошла. А они на нее ноль внимания. Председатель спрашивает у мене: «Почему, Дотька, в лес с Аграфеной убегли? А я

им: «Гав, гав, гав». Узконосый стал говорить, мол, случай тяжелый, но положительный. Баба сидела, все што-то записывала. «Сколько лет Аграфене?» — спросил мужик с бородкой. «Да около 30», — отвечал председатель. «С такими приступами долго не проживет». Я начала опять на них гавкать. «Все замуж хотела, вот и умом тронулась впридачу», — захохотал председатель. «А што с девочкой будем делать?» — спросила баба. «Да пусть тетку охраняет, вишь как гавкает, кулацкое отродье», — сказал узконосый. Они все засмеялись и вышли. Прилегла я к тетушке, начала ей волосы гладить, она повернула ко мне голову и положила палец на губы. Поняла, што молчать надо, так мы с нею около часа и провалялися, все боялася, бедная, што вернутся злыдни. Потом поднялася, усадила мене на коленочки, обняла и заплакала: «Ничаво, милая, испугалася, драгоценная ты моя? Молодец, все сделала, как наказывала, умница, не позабыла. Энтот раз я понорошку, гляди, — она вытащила маленький мешочек в дырочку, — это есть такой порошок. Я их как увидала в окошке, так яво за щеку и вложила, а он со слюной и распенился. А когда будет по-правдышнему, я табе научу, што со мною делать». «Они сказали, што ты помрешь! Это правда?» — спросила я.

«Правда, но нескоро, ничаво они не понимают».

Гаша затворила двери на засов и стала мне рассказывать:

«Слава Богу, родители мои были запасливые, жизнью наученные. Схрон у них остался в подполе, бывало, тятка со двора меня кличет: «Иди, Гашка, в избу», да так строго, сразу знала, для чего: придется в щель лезть, вынимать штось или добавлять. Матери твоей не доверяли, больно болтлива была. Тятка наказывал: «Смотри у мене, язык прикуси, а то шкуру спущу!»» Гаша отшвырнула половицу, зажгла лампадку, и мы спустились по лестнице вниз. Вонючка от гнилой картопли — дышать тяжко. «Ты нос прижми пальцами, ртом дыши», — сказала тетка. Поставила лампадку и начала снимать по левой стороне с полок разную утварь: глиняные горшки, чугульки, наполненные травой, сушеной клюквой, горохом, корзинки, ящик с гнилой картоплей. «Картопля гнилая, Дотька, — это для отвода глаз, штобы любопытным не повадно было». Сняла две нижние полки и стала бить в земляной угол, кусок отвалился и показалась деревянная ручка, она толкнула ее, и дверца открылась. «Ты полезай туды ногами, а я тебе посвечу». Пролезла туды, встала во весь рост, а там цельный погреб, тоже с полками. «Дотя, возьми корзинку и набери всяво с каждого ящика по чуть-чуть». Набрала полную корзину, тетке просунула, а потом сама вылезла. «Ты иди

наверх, а мне надо щель замазать и все обратно примастырить». Поднялася Гаша веселая: «Ну што, Дотька, проживем! Чаво в подполе видала?»

«Гав, гав, гав», — я ей в ответ. «Молодец, девка», — погладила мене по голове».

Семена для посадки, сушеные яблоки для компоту, грибы для супа — все у нас было для пропитания. Голодовать не пришлось. Да и лес кормил тоже.

— Школу посещали?

— Нет, конечно, гавкающих не берут. В колгоспе была школа при сельсовете. Я табе рассказывала, тетка умна была, грамоте обучена, до ста считать умела, а больше и не к чему знать. Она меня выучила. Бывало, говорит: «Возьми горох в жменю да пересчитай каждую — боле ста не выйдет». А лучше всяво мешками считать — так тятка мой говорил. Чересчур умна была. Читать и писать тоже мене выучила. Я вот почти весь молитвенник по памяти знаю, ни одна школа не выучит. Меньше знашь — меньше нагресишь. Все грехи от большого знания. Это как дети — рождаются безгрешными созданиями, а потом к старости в землю смотреть, всю жизнь грехи на горбу носить.

— Комиссия вас больше не посещала?

— А как же без них, через год опять пожаловали, только другие уже. Мол, как

поживаете? Тетка моя покажет на пустой стол и говорит: «Угощайтесь, гости дорогие, откушайте, не обижайте сирот. Дотька, принеси киселю с печи, только наварила».

Я сняла пустое ведро с печи — и на стол. Долго не задержались. Вышли из избы, председатель покрутил пальцем у виска, так мы их и проводили взглядом из окошка.

Потом председатель стал наведываться, слух прошел, а все из-за Леньки-дурака. Нога гнить стала у няво, на доску с ржавыми гвоздями упал, малой еще был совсем. Марфа прибежала к нам, руками машет, в избу к сабе кличет. Вона, изба ихня прям напротив нашей стоит. — Авдотья приподняла голову и махнула подбородком в сторону окна. — Мы в чем были, так и побегли к ним. Ленька весь в бреду, нога краснущая, опухла, на бревно стала схожая. Тетка отвар заварила, поила и примочки три раза на день меняла. Считай, три недели прошло, Ленька охлял, рана затянулася, только недоразвита нога почему-то осталася, прихрамыват маненько. Вот молва и пошла об чудо-исцелении. Приперся председатель, весь скрюченный, поясницу свело, так тетка мазь-вонючку замешала и велела три раза на день ею мазаться. Поправился председатель, принес кило пшена в благодарность, пося комиссии не было.

Колгоспники стали наведываться, кто кружечку мукички принесет, кто пару картопель. Гаша не отказывалась, все какое пропитание... Вишь, к дуракам лечиться ходили и меня тетка всяму выучила. Глянь, три полки: верхняя лечит от головы до плеч, средня — от плеч до ног, а третья — все конечности.

— Банки у Вас не подписанные, не боитесь перепутать?

— Каждый порошок свой запах и цвет имеет, как тут перепуташ.

— Да Вы просто алхимик, Авдотья Лукинична!

— Не знам таких слов. Знахаркою мене прозывают. Так вот к чему весь рассказ веду.

Было мне годков двадцать четыре. Аграфена как год преставилась. Тоска на мене напала. Все днем и ночью реву. Савсем одинешенька на всем белом свете, жалко сабе стало. Захворала савсем. Видеть Гашу начала, как наяву. Уж я и молитвы читала и просила ее не появляться, а она не отступается, подойдет, бывало, ко мне и на ухо шепчет: «Напеки пирогов, так я уже соскучилась». На третий день попросила Леньку, штобы на Звезде отвез к председателю. Не отказал. Захожу в сельсовет, а тама уже новый председатель сидит: «Заходите, Авдотья. Мол, с чем пожаловала. Меня Василием Степанычем зовут». «Откудова имя мое

знаете? — спросила яво. Он мне:

«Положено все про свой народ знать!»
Говорю ему: «Лекарь мне нужен, голова плохая стала». А он: «Так ты везучая, Авдотья, завтра лекарь приезжает, отправим к тебе на постой. Говорят, ты мастерица по выпечке, самые вкусные пироги печешь. Зайди в сельмаг, возьми што надо, запиши на мое имя, вот записку от меня передай. Ну давай, иди готовься гостя встречать, к двум часам ночи появится». Я говорю: «Часов нету у мене, што ж мне, всю ночь окно сторожить?». Он в ответ: «Организуем и часы тебе».

Выбежала как ошпаренная, слезы текут ручьем. Так обидно стало. Я про болячку свою, а он про пироги, ирод. Мужика в дом поселят — срам какой! Ну, ничаво тут не поделашь...

— Так зачем лекарь приезжал?

— Ты меня не торопи, если хошь дослушать.
Отвез меня Ленька до дому с товаром, в избу зашла — так и ахнула, тетку уже не видала, только пыль и грязь кругом. Принялась избу намывать, скакала по избе как ужалена, а еще пироги напечь, в обчем, к вечеру управилася. В избе чисто и на душе хорошо. Сама выкупалася, чистое надела и села возле окна с пирогами гостя ждать. Ночь уже на дворе, слышу: «му-му» — корову заводят к Марфе во двор. Вот тебе еще новости! За какие такие коврижки им скотину, а мне постояльца? Ведь не разрешали нам

на подворье скотину держать. Звезду старый председатель еще жеребенком пригнал к Леньке, а как лошадка подросла, выделил ему телегу — хромоту, наверное, пожалел. Так вот, слушай дальше. Сiju я, значит, все время в окошко выглядываю, уж давно месяц в небе, а постояльца все нет. Через некоторое время слышу — Ленькина телега скрипит. Разозлилась на няво, вот шалопай, сколько раз просила колеса смазать, цельный день в ушах звенит после езды с ним. Так и есть, Ленька с лекарем прибыли. Уткнулась в окно разглядеть постояльца, чуть нос сабе не сломала. Затрясло мене от волнения. Ленька Звезду привязал, смотрю — идут, толком ничаво не видать, темень на дворе. Я от окна отпрянула, спину выпрямила, жду появления, сердечко тук-тук-тук, так и хочет выпрыгнуть наружу. В сенях дверь хлопнула, ну вот, сейчас зайдуть. Зашли, Ленька такой важный, расхорохорился. «Дотька, принимай гостя», — да так громко сказал, зараза. Я привстала. «Владимир», — сказал и протянул мне руку. Я обхватила ее двумя руками и начала трясти. «Авдотьей меня кличут», — сказала. Какой красавец, подумала я, и одет не по-нашенски. Высокий, зубы белющие, глаза зеленые-зеленые, а волосы как смоль.

«Располагайтесь, будьте добры», — и показала на табурет. На Леньку зыркнула — и яво

как водой смыло. «Чаю хотите?». «Да нет, я не голоден». Вежливый такой, обрадовалась. Ну, обстановка все така же. Все показала, как и тебе. Спать легла на улице, днем вытащила теткин у кровать и поставила под яблонею: боязно с мужиком в избе спать. С тех пор там кровать и стоит.

Лето стояло на дворе, звезды светят ярко, все не могла заснуть, одни глаза яво вспоминала. Уже светать начало, только тогда и заснула. Вот и пришла ко мне любовь нежданно-негаданно. Ленька пришкандыбал с банкой молока и стал шептать на ухо: «Степаныч приказал удоем с тобой делиться, а то отымет корову. Ты буди лекаря, по делам ехать надо». Я яму: «Да иди ты уже отседова, во дворе подождешь». Ленька мне: «Да сам знаю, командирша выискалася». Дверей нету, одна завеса, тут он и проснулся от Ленькиного шепота.

Вышел он, как только што наутюженный, с саквояжиком в руке. Улыбается мне: «Доброе утро. Я уже давно не сплю, успел пирогов ваших отведать. Вкусно готовите, Дотя, можно я Вас так буду называть?». «Зовите, как Вам нравится», — ответила, а он: «Ну, до вечера, Дотя».

Уезжал каждое утро и возвращался к вечеру. Стряпала да обстирывала, он на мене никакова внимания не обращал. Как приедет, покушает, а потом в тетрадку все пишет, пишет. Заглянула раз

тайком — там буквы, цифры одни, ничаво не могла разобрать.

В один вечер вернулся пораньше, довольный такой, и говорит: «Ну что, Дотя, скоро съезжать буду», а мое сердечко так заныло, радость прям какую мне принес. Видимо, подметил, што я в лице переменялась. «Не грусти, возможно, я вернусь в ближайшее время. Давай, Дотя, пообедаем вместе». Ну, опосля такова приглашения голова моя савсем кругом пошла, быстро стала накрывать на стол. В обчем, сели мы друг против друга, я все смотрю на Володю, глаз не могу оторвать. Предложил выпить, достал бутылку из саквояжика, цветом на чай похожую. «Да вообще-то непьюща», — сказала. «Ничего, иногда даже полезно, это я вам как доктор говорю. Сегодня у меня особенный день. Одному пить не хочется». «Ну если маненько, то ладно». Поставила стаканы, он налил — запах, как от раздавленного клопа, я закрыла нос пальцами и выпила. Он засмеялся: «Какая Вы смешная, Дотя». Ну, тут меня и понесло:

«Расскажите про семью свою, про мамку, про тятку». Он мене поправляет: «О маме, о папе». Мы привыкшие так гутарить, народ в колгоспе отовсюду здеся. Все по-своему лепечут. Рассказал, как дружно жили, как елку на Новый Год рядили, интересно мне все было слушать.

Ну вот. Посетил меня грех. Задумала влюбить

в сабе. К тетке добрая половина женщин переходила за этим отваром.

«Лошадина прыть» называются. Бабам отвар отдавала и приговаривала: «Будет любить, на другу юбку не глядить». Заинтересовалась, стала тетку пытаться, что за сила така. Она мне отвечает: «Детей стругать помогают. Рано тебе еще про это знать». На будущее смотри, только мужик под подол полезет, сразу дитяню в нем принесешь». «Да не будет такова никогда».

«Ой, девка, не зарекайся, век длинный, все може приключиться», — и как в воду смотрела. Подливать стала в чай Володе отвар, подействовал, а через недельку уехал. Обещал вернуться. Строго-настрога приказал к аппарату в садочке не подходить и на чудо-звон не реагировать и никому не показывать. Так вот што еще учудила: в последню ночьку стекляшки у Володи с саквояжика вытянула да с тетрабочки листочек вырвала на память. Все равно вся исписана одинаковым, не должен был заметить. Думала так: кинется, а стекляшек не хватат. Приедет за ними, заодно и повидаемся. Вишь как, не вернулся, не простил мне этой подлости. Дальше — больше: забрюхателя, срам-то какой, живот перетягивала, на люди было стыдно показываться. Леньке приказала молоко на крыльце оставлять, а то растрезвонит новость таку. Володя не ехал, живот уже выше носа, што делать с

этим срамом, не знала... Надумала порешить сабе. Заварила травку сонную и вдобавок влила Володину стекляшку. Положила ее на стол. Припрется Ленька, увидит стекляшку, потом Володе расскажет. Мол, так и так, любила вас, сраму не пережила. Вот так дура была! Ленька на третий день увидал, што молочко не забираю, вошел в избу поскандалить и увидал мене в беспамятстве. Побег к председателю на доклад, увезли мене куда-то. Жалко, дитятю загубила. Ленька рассказывал, вернули мене спящу, Марфа цельный месяц за мною ухаживала. В один день проснулася как ни в чем не бывало. Тольки помнить стала плохо. Вот и вся моя любовь... Хватить на сегодня, спать тебе пора, завтра на работу ехать.

Мы разошлись, я улегся, полночи ворочался, не мог заснуть. Странное место, и будка тоже. Зачем она ей? Ни разу на жизнь не пожаловалась. Надо учиться у нее. Много недовольств испытывает человек. Вот, к примеру: чай остыл — я уже злюсь. По сути, много ли человеку надо? Да, у меня большие запросы, как говорит моя мама. Хочу машину, квартиру в центре, отдыхать в фешенебельных гостиницах... Да мало ли что еще взбредет в голову, не прошу же я достать билет на Луну. Хочу жить комфортно. Одному человеку это жизненная необходимость, другому достаточно довольствоваться малым. Может, чувствительность

разная к окружающему миру, как говорит Авдотья, закат и рассвет наступят и без знаний, много чего происходит вокруг без меня, но это не означает, что я не должен совершенствовать свои знания. Конечно, люди, живущие на земле, а не выросшие на асфальте, ближе к природе, и у них свое видение жизни, аппендицит шепотом не вылечишь, его необходимо оперировать, и никакая трава-мурава не спасет.

К примеру, наша лаборатория занимается научными разработками во имя спасения человека. А ведь спасаем больных, а среди них столько мрази! Определенно, повлияло на меня это местонахождение, какие-то глупые рассуждения лезут в голову... Интересно, если бы я здесь родился, что бы я здесь делал? Как Ленька, ездил бы на Звезде в сельмаг, либо в колхозе землю обрабатывал. Нет, лучше, как Авдотья, знахарем был бы. Выбор не большой, только при одной этой мысли меня охватил ужас. Стоп, я родился там, где мне совсем неплохо, и свою жизнь ни на что не променяю. Что со мной? Такое впечатление, что меня уговаривают остаться. Бред! В какой момент и на какой мысли я заснул, уже не помню.

СОН ВОЛОДИ

Сижу за столом, ем пирожки, Авдотья что-то